

Н.А. Тучкова

СЕЛЬКУПСКИЙ ФОЛЬКЛОР В СВЕТЕ РАЗНЫХ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ К ВОПРОСАМ ФОЛЬКЛОРНОГО ИСТОРИЗМА

Анализируются подходы к фольклору как к историческому источнику с позиций разных исследовательских направлений – «конкретного историзма», этнофольклористики, компаративной фольклористики, а также современного направления – «ареальной» фольклористики, разрабатываемого Ю.Е. Березкиным. Автором выявлено, что селькупский фольклор за весь период исследований рассматривался только с точки зрения «конкретного историзма» (исследования А.В. Головнева) и с точки зрения этнофольклористики (работы Е.Д. Прокофьевой, Г.И. Пелих).

Ключевые слова: фольклор; исторический источник; фольклорный историзм; исторические предания; этнографический контекст; селькупский фольклор.

Представители исторической и этнографической науки никогда не оспаривали функцию фольклора быть носителем исторической и этнографической информации. На протяжении XIX–XX вв. отношение к фольклорному материалу всегда было как к ценному историческому и этнографическому источнику, потенциально имеющему высокую степень содержания исторических и этнографических сведений.

Исследователи, работающие с фольклорным материалом в направлении «конкретного историзма», выявили, что наиболее результативной является опора на тексты исторических преданий, так как именно этот фольклорный жанр, во-первых, обладает наибольшей степенью насыщенности конкретной исторической информацией, во-вторых, историческая информация в произведениях такого рода наименее «обработана» художественным способом, что весьма важно для исторических реконструкций [1, 2].

Опыт работы исследователей, привлекавших фольклорный материал сибирских этносов (нганасанский, эвенкийский, хакасский, кетский, алтайский и др.) [3–7], показывает высокую результативность этого метода: исследователям по текстам фольклорных произведений удавалось охарактеризовать территорию формирования этноса (например, выявить ее ландшафтные особенности или иные природно-географические черты); этнические компоненты, из которых складывался этнос; разделения и ответвления родовых групп друг от друга; этнонимы прошлого (в некоторых случаях с народной этимологией этнонимов, родовых названий), этнонимы соседей и врагов.

Кроме того, как вполне успешные (хотя не бесспорные) можно оценить попытки исследователей идентифицировать фольклорных героев и некоторых исторических личностей: вождей племен, основателей родов (т.е. лиц, от которых род (патронимия) ведет свое происхождение), ярких военных предводителей – как, например, герой нганасанских преданий Тимихоти – «Сломанный зуб», возглавивший в XVII в. нганасан в их стычках с ненцами [3. С. 26–27], или джунгарских властителей – Лоузен-Шуну, Галдан-Ойрот-хана, Амыр-Сана-Ойрот-хана, Галдан-Цэрэна и др., – пусть и «затронутых процессом канонизации» [7. С. 201]. В частности, исследователем алтайских исторических преданий Л.И. Шерстовой было выявлено, что историческим прототипом героя алтайских

легенд Шуну являлась реальная историческая личность XVIII в. – Лоузен (лоубзан)-Шюню, или Шуну, внук Аюки-хана, сын Цэван-Рабатана, сводный брат Галдан-Цэрэна. После смерти отца Шуну из-за дворцовых интриг он вынужден был бежать на Волгу, к калмыкам, а затем в Россию [7. С. 204].

Метод, которым обычно пользуются исследователи, работая в области «конкретного историзма», – сравнительно-сопоставительный: данные фольклора о каком-либо событии напрямую сопоставляются с известными по документам историческими фактами, персонажи фольклорных текстов – с историческими личностями, выявленными также по документальным источникам, сведения о родовых группах и племенах – с историческими данными об этих группах, упоминаемые в фольклорных текстах этнонимы – с подобными этнонимами, известными из этнографических записей и публикаций, и т.п.

Исследовательское направление «фольклор и этнография» (этнофольклористика) также демонстрирует высокий уровень эффективности в работе с фольклорным материалом при проведении этноисторических и этнокультурных исследований. Образцами успешных этнографических изысканий, построенных в основном на фольклорных источниках, богато, в частности, отечественное и зарубежное финно-угроведение. Так, например, уже в период конца XIX – начала XX в. именно на фольклорном материале С.К. Патканов реконструировал эпоху «военной демократии» хантов, В.Н. Чернецов – социальную организацию обских угров [8, 9]. В 1970–2000-х гг. с фольклором как источником по этнографии обских угров (хантов и манси) работали З.П. Соколова, Н.В. Лукина, В.М. Кулемзин и др. [10–12]. Обзор взглядов различных исследователей на соотношение дисциплин «этнография» и «фольклор», а также анализ публикаций в данном исследовательском направлении осуществил А.А. Ким [13].

Основной метод, которым этнокультурная информация извлекается из фольклорных текстов, также сравнительно-сопоставительный. Кроме того, активно используется метод контекстного анализа, так как исследователи, работающие в данном направлении, интересуются прежде всего контекстом фольклорных произведений, на фоне которого разворачиваются сюжетные действия.

Этнофольклористика позволяет реконструировать социальную стратификацию этноса, элементы его политического устройства, традиции и семейные нравы, черты бытовой культуры, религиозные верования, а также хозяйственные занятия носителей исследуемой фольклорной традиции.

Компаративная фольклористика как особое исследовательское направление, сравнивающее схожие мотивы и сюжеты в разных этнических фольклорных традициях, всегда играла важнейшую роль в изучении фольклорных текстов. При этом «каждая научная теория и школа применяла свою методiku, основанную на характерных для нее представлениях о природе и специфике фольклора и понимании задач научного сравнения» [14. С. 55].

В период превалирования в отечественной науке сравнительно-типологического подхода к изучению фольклора, давшего значительные результаты для понимания сути фольклорного процесса (в частности, осознания его стадийности), собственно этноисторические исследования находились, как правило, за рамками исследований фольклористов.

С зарождением в начале ХХI в. фактически нового научного направления, актуального как для филологических (фольклористических) исследований, так и для исторических (этнологических), – ареальной фольклористики, или «сравнительных исследований распространения фольклорно-мифологических мотивов» – вопрос реконструкции этноисторических процессов через анализ ареалов фольклорных мотивов вышел на передний план [15–17].

Один из важнейших выводов, полученных в ходе исследования ареального распространения мотивов, был сформулирован следующим образом: сходство фольклорных мотивов у разных народов и на разных континентах можно объяснять именно миграциями, т.е. распространение мотивов напрямую связано с путями миграций отдельных групп людей (популяций) [17. С. 7–9].

Проблема датировки событий, отраженных в фольклорных текстах, а также иных данных, в том числе контекстной информации, содержащейся в ткани фольклорных произведений, не решена до настоящего времени: существует несколько методов датирования фольклорного материала (исходя из разных теоретических подходов к фольклорному тексту), но все они не дают однозначного и точного результата.

На селькупском фольклорном материале в ХХ – начале ХХI в. были проведены различные исследования как в направлении «конкретного историзма», так и в области этнофольклористики.

В рамках первого направления было выявлено, что в фольклорном наследии селькупов имел место жанр исторических преданий, но популярным и широко распространенным (на фоне жанра сказки или богатой песни (в прошлом)) он не был. С начала ХХ в. (с записей А.П. Степанова (полковника Маслова)) были известны два исторических предания – о даровании Богом еды (благополучия) новопоселенцам на р. Таз и о Старике в Заячьей парке [18, 19]. Фактически именно ими и ограничивается круг надежно зафиксированных исторических преданий у селькупов.

П.И. Третьяков и особенно А.Ф. Плотников широко использовали термин «предания инородцев» для изложения данных, полученных ими от информантов, и в итоге они в своих публикациях [20, 21] привели значительную сумму сведений исторического характера, но все это – записи «устной истории», а не фольклорные тексты.

Этнолог А.В. Головнев привлек к своим этноисторическим исследованиям значительный объем фольклорных текстов северных селькупов (сказки и исторические предания) [22]. Им было установлено, что крупные военно-политические события (судьбоносные битвы, такие как поражение селькупов на Оби от хантыйско-русской коалиции или победа на р. Тольке в Кэли Мач) в фольклоре этого народа **не** отражены [Там же. С. 116]. Однако сам факт борьбы с ненцами – народом *келэк тамдыр* (боевые столкновения партизанского типа), проживавшими на осваиваемой селькупам территории Таза, имеет фольклорное подтверждение. Самый характерный фольклорный пример этой борьбы – сюжет о Старике в Заячьей парке [Там же. С. 139]. Данный сюжет, записанный неоднократно (не только А.В. Головневым, но и другими исследователями, начиная с публикации А.П. Степанова), вероятно, говорит о процессе фольклоризации одного или нескольких конкретных событийных рассказов (при условии, что в других ареалах Западной или Восточной Сибири или на иных континентах этот сюжет не известен²).

Этнофольклористические исследования с привлечением селькупского фольклорного материала, проводимые Г.Н. и Е.Д. Прокофьевыми, показали высокую степень результативности. Г.Н. Прокофьевым был собран большой объем селькупского фольклора на среднетазовском и баишенском (туруханском) диалектах селькупского языка [23]; этот материал характеризует фольклорное наследие северных селькупов. Е.Д. Прокофьевой, имевшей возможность работать с этим архивным собранием, удалось задействовать его в своих этнографических публикациях. Особенно удачными были опыты по привлечению фольклорных сведений для реконструкции мифологической картины мира северных селькупов [24–26].

Томским этнологом Г.И. Пелих была осуществлена попытка выявить компонентный состав селькупского этногенеза с опорой на фольклорный материал, с одной стороны, и на гидронимический – с другой [27], однако из-за отсутствия на момент исследования в ее распоряжении репрезентативной и верифицированной источниковой базы (атрибутированных фольклорных текстов на селькупском языке) выводы автора выглядят спорными. Кроме того, Г.И. Пелих проводились также сопоставительные исследования фольклорного материала селькупов и социально-исторических процессов: автор пыталась выявить следы материнского рода, группового брака, классификационную систему родства, социально-имущественное расслоение селькупского общества [28]. Контекст некоторых фольклорных произведений позволил Г.И. Пелих сделать некоторые выводы по данным аспектам.

Таким образом, в ходе проведенного исследования автором были рассмотрены различные методологиче-

ские подходы к этноисторическим исследованиям, проводимым на фольклорном материале, и произведена оценка их результативности. Выявлено, что селькупский фольклор редко привлекался для этноисторических исследований. Основными методологическими подходами, в рамках которых рассмат-

ся селькупский фольклорный материал для выявления содержащейся в нем исторической и этнографической информации, были исследования в направлении «конкретного историзма» (А.В. Головнев) и этнофольклористики (работы Е.Д. Прокофьевой, Г.И. Пелих).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ю.Е. Березкин понимает **мотивы** как **образные и фабульные элементы фольклорных произведений**, что не совпадает с «элементарными мотивами» С. Томпсона (с которыми обычно работают фольклористы).

² В каталоге Ю.Е. Березкина этот сюжет не учтен, так как оценен им как «квазиисторический» (из переписки с Ю.Е. Березкиным).

ЛИТЕРАТУРА

1. Варламов А.Н. Об историзме фольклора: по материалам фольклора эвенков // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. Филология. 2009. № 107. С. 112–119.
2. Биткеев Н.Ц., Варламов А.Н. Эпический историзм // Вестник Бурятского государственного университета. 2012. № 10. С. 156–161.
3. Долгих Б.О. Введение // Мифологические сказки и исторические предания нганасан. М., 1976. С. 7–35.
4. Варламов А.Н. Специфика историзма в фольклоре эвенков : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Якутск, 2011.
5. Бутанаева И.И. Хакасский исторический фольклор: опыт историко-этнографического анализа : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2000. 29 с.
6. Николаев Р.В. Фольклор и вопросы этнической истории кетов. Красноярск, 1985. 127 с.
7. Шерстова Л.И. Роль исторических преданий в формировании идеологии бурханизма // Бурханизм: истоки этноса и религии. Томск, 2010. С. 191–208.
8. Патканов С.К. Стародавняя жизнь остяков и их богатыри по былинам и героическим сказаниям // Живая старина. 1891. № 3, 4.
9. Чернецов В.Н. Фратриальное устройство обско-югорского общества // Советская этнография. 1939. № 2. С. 20–42.
10. Соколова З.П. К происхождению обских угров и их фратрий (по данным фольклора) // Верования и быт народов Сибири. Новосибирск : Наука, 1987. С. 118–132.
11. Лукина Н.В. Некоторые вопросы этнической истории хантов по данным фольклора // Языки и топонимия. Томск, 1976. С. 158–161.
12. Кулемзин В.М. Человек и природ в верованиях хантов. Томск, 1984. 192 с.
13. Ким Ант. А. Сюжетный состав хантыйского прозаического фольклора в контексте этнографии : дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2007.
14. Путилов Б.Н. Методология сравнительно-исторического изучения фольклора. Л. : Наука, 1976.
15. Березкин Ю.Е. Южносибирско-североамериканские связи в области мифологии // Археология, этнография и антропология Евразии. 2003. № 2 (14). С. 94–105.
16. Березкин Ю.Е. Результаты обработки данных о распределении фольклорно-мифологических мотивов в Северной Азии (южноазиатские и американские связи) // Языки и фольклор народов Сибири. 2016. № 2 (31). С. 21–32.
17. Березкин Ю.Е. Африка, миграции, мифология. Ареалы распространения фольклорных мотивов в исторической перспективе. СПб. : Наука, 2013. 320 с.
18. Степанов А.П. Енисейская губерния. СПб., 1835. Т. 1, 2.
19. Маслов. Бродящие народы Туруханского края. Отрывок из статистических записок Енисейской губернии : сообщено г. полковником Масловым // Заволжский муравей. 1833. № 5. С. 275–291; № 7. С. 392–415; № 9. С. 506–523; № 10. С. 562–575.
20. Третьяков П.И. Туруханский край, его природа и жители // Записки Русского географического общества по общей географии. 1869. Т. 2. 416 с.
21. Плотноков А.Ф. Нарымский край (5-й стан Томского уезда, Томской губернии) : историко-статистический очерк. СПб., 1901. 366 с.
22. Головнев А.В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург : УрО РАН, 1995. 606 с.
23. Казакевич О.А. Архив Г.Н. и Е.Д. Прокофьевых: самодийские языковые материалы // Finnisch-Ugrische Mitteilungen. Band 32/33. Hamburg, 2010. С. 257–269.
24. Прокофьева Е.Д. К вопросу о социальной организации селькупов (род и фратрия) // Сибирский этнографический сборник. М. ; Л., 1952. Т. 1. С. 88–107.
25. Прокофьева Е.Д. Представления селькупских шаманов о мире (по рисункам и акварелям) // Сборник музея антропологии и этнографии. Л., 1961. Т. 20. С. 54–74.
26. Прокофьева Е.Д. Старые представления селькупов о мире // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. Л., 1976. С. 106–128.
27. Пелих Г.И. К вопросу о родоплеменном строе нарымских селькупов // Труды Томского государственного университета. Томск, 1963. Т. 165. С. 137–148.
28. Пелих Г.И. Фольклор как средство расшифровки топонимов // Вопросы фольклора. Томск, 1965. С. 65–69.

Статья представлена научной редакцией «История» 22 апреля 2018 г.

SELKUP FOLKLORE FROM THE PERSPECTIVES OF DIFFERENT METHODOLOGICAL APPROACHES TO FOLKLORE HISTORICISM

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 431, 128–131.

DOI: 10.17223/15617793/431/17

Natalya A. Tuchkova, Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: natatutskhova@yandex.ru

Keywords: folklore; historical source; folklore historicism; historical traditions; ethnographic context; Selkup folklore.

The article analyzes approaches to folklore as a historical source from the perspectives of different research areas such as “concrete historicism”, ethnic folklore and comparative folklore studies, as well as the modern “areal” folklore studies developed by Yu.E. Berезкин. Research in the field of “concrete historicism” was carried out on the folklore material of a number of Siberian ethnic groups – Nnganasan, Evenki, Khakas, Ket, Altai etc. It was the researchers working with the folklore material of this field who found out that the reliance on the texts of historical legends is the most effective, as this folklore genre is most saturated with specific historical information. Ethnic folklore studies as a special research direction allow to reconstruct, first of all, the social stratification of the ethnos, ele-

ments of its political structure, traditions and family customs, features of everyday culture, religious beliefs, as well as economic activities of the bearers of the studied folklore tradition. There are many examples of successful ethnic folklore studies, inter alia, in national and foreign Finno-Ugric studies. In the course of the research of the Selkup folklore material, the author revealed that the Selkup folklore during the whole period of its study was considered only from the standpoint of “concrete historicism” and from the point of view of ethnic folklore studies. Within the framework of the first direction, it was established that in the folklore heritage of the Selkups there was a genre of historical legends, but it was not popular and widespread (in comparison with the fairy tale or the heroic song (in the past)). Ethnic folklore studies involving Selkup folklore materials were made by G.N. and E.D. Prokofiev and G.I. Pelikh, an ethnologist from Tomsk. It was found that the experiments of E.D. Prokofieva on using folklore information for the reconstruction of the mythological view of the world of the Northern Selkups were particularly successful. G.I. Pelikh made an attempt to identify the component composition of Selkup ethnogenesis based on folklore and hydronymical material, but due to the lack of representative and verified sources (attributed folklore texts in the Selkup language) at the time of the study, the author’s conclusions were controversial. G.I. Pelikh also carried out comparative studies of the folklore material of the Selkups and the socio-historical processes.

REFERENCES

1. Varlamov, A.N. (2009) On historicism of folklore: based on Evenk folklore. *Izvestiya RGPU im. A.I. Gertsena – Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Science*. 107. pp. 112–119. (In Russian).
2. Bitkeev, N.Ts. & Varlamov, A.N. (2012) Epicheskiy istorizm [Epic Historicism]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of the Buryat State University*. 10. pp. 156–161.
3. Dolgikh, B.O. (1976) *Mifologicheskie skazki i istoricheskie predaniya nganasan* [Mythological tales and historical legends of the Nganasan]. Moscow: Nauka. pp. 7–35.
4. Varlamov, A.N. (2011) *Spetsifika istorizma v fol'klora evenkov* [Specificity of historicism in the Evenk folklore]. Abstract of Philology Dr. Diss. Yakutsk.
5. Butanaeva, I.I. (2000) *Khakasskiy istoricheskiy fol'klor: opyt istoriko-etnograficheskogo analiza* [Khakass historical folklore: the experience of historical and ethnographic analysis]. Abstract of History Cand. Diss. Novosibirsk.
6. Nikolaev, R.V. (1985) *Fol'klor i voprosy etnicheskoy istorii ketov* [Folklore and issues of ethnic history of the Kets]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State University.
7. Sherstova, L.I. (2010) Rol' istoricheskikh predaniy v formirovaniye ideologii burkhanizma [The role of historical legends in the formation of the ideology of Burkhanism]. In: Zinov'ev, V.P. (ed.) *Burkhanizm: istoki etnosa i religii* [Burkhanism: the origins of ethnos and religion]. Tomsk: Tomsk State University.
8. Patkanov, S.K. (1891) Starodavnaya zhizn' ostyakov i ikh bogatyri po bylinam i geroicheskim skazaniyam [The ancient life of the Ostyaks and their heroes in the epic and heroic legends]. *Zhivaya starina*. 3, 4.
9. Chernetsov, V.N. (1939) Fratral'noe ustroystvo obsko-yugorskogo obshchestva [The phratral organization of the Ob-Ugra society]. *Sovetskaya etnografiya*. 2. pp. 20–42.
10. Sokolova, Z.P. (1987) K proiskhozhdeniyu obskikh ugrov i ikh fratriy (po dannym fol'klora) [To the origin of the Ob Ugrians and their phratries (according to folklore)]. In: Gemuev, I.N. & Sagalaev, A.M. (eds) *Verovaniya i byt narodov Sibiri* [Beliefs and way of life of the peoples of Siberia]. Novosibirsk: Nauka.
11. Lukina, N.V. (1976) Nekotorye voprosy etnicheskoy istorii khandov po dannym fol'klora [Some issues of the ethnic history of the Khanty people according to folklore data]. In: *Yazyki i toponimiya* [Languages and toponymy]. Tomsk: [s.n.].
12. Kulemzin, V.M. (1984) *Chelovek i priroda v verovaniyakh khandov* [Man and nature in the beliefs of the Khanty]. Tomsk: Tomsk State University.
13. Kim Ant, A. (2007) *Syuzhetnyy sostav khandyyskogo prozaicheskogo fol'klora v kontekste etnografii* [The plot structure of the Khanty prosaic folklore in the context of ethnography]. History Cand. Diss. Tomsk.
14. Putilov, B.N. (1976) *Metodologiya sravnitel'no-istoricheskogo izucheniya fol'klora* [Methodology of the comparative historical study of folklore]. Leningrad: Nauka.
15. Berezkin, Yu.E. (2003) Yuzhnosibirsko-severoamerikanskaya svyazi v oblasti mifologii [South Siberian-North American links in the field of mythology]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii – Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*. 2 (14). pp. 94–105.
16. Berezkin, Yu.E. (2016) Results of computing the data on the areal distribution of the folkloric and mythological motifs in Northern Asia (South Asian and American links). *Yazyki i fol'klor narodov Sibiri*. 2 (31). pp. 21–32. (In Russian).
17. Berezkin, Yu.E. (2013) *Afrika, migratsii, mifologiya. Arealnyye rasprostraneniya fol'klornykh motivov v istoricheskoy perspektive* [Africa, migration, mythology. Areas of the distribution of folklore motifs in the historical perspective]. St. Petersburg: Nauka.
18. Stepanov, A.P. (1835) *Eniseyskaya guberniya* [Yenisei Province]. Vols 1–2. St. Petersburg: Tip. Konrada Vingebera.
19. Maslov. (1833) Brodyashchie narody Turukhanskogo kraya. Otryvok iz statisticheskikh zapisok Eniseyskoy gubernii: soobshcheno g. polkovnikom Maslovym [The nomadic peoples of the Turukhansk region. Excerpt from the statistical notes of Yenisei Province: reported by Colonel Maslov]. *Zavolzhskiy muravey*. 5. pp. 275–291.
20. Tret'yakov, P.I. (1869) Turukhanskiy kray, ego priroda i zhiteli [The Turukhansk region, its nature and inhabitants]. *Zapiski Russkogo geograficheskogo obshchestva po obshchey geografii*. 2.
21. Plotnikov, A.F. (1901) *Narymskiy kray (5-y stan Tomskogo uezda, Tomskoy gubernii): istoriko-statisticheskiy ocherk* [The Narym region (5th mill of Tomsk district, Tomsk province): historical and statistical essay]. St. Petersburg: Tipografiya V. Kirshbauma.
22. Golovnev, A.V. (1995) *Govoryashchie kul'tury: traditsii samodiytsev i ugrov* [Speaking cultures: traditions of the Samoyeds and the Ugrians]. Ekaterinburg: UrB RAS.
23. Kazakevich, O.A. (2010) Arkhiv G.N. i E.D. Prokof'evykh: samodiytskie yazykovye materialy [Archive of G.N. and E.D. Prokofiev: the Samoyed language materials]. *Finnisch-Ugrische Mitteilungen*. 32/33. pp. 257–269.
24. Prokof'eva, E.D. (1952) K voprosu o sotsial'noy organizatsii sel'kupov (rod i fratriya) [To the issue of the social organization of the Selkup (genus and phratry)]. In: Potapov, L.P. & Levin, M.G. (eds) *Sibirskiy etnograficheskii sbornik* [Siberian ethnographic collection]. Vol. 1. Moscow, Leningrad: USSR AS.
25. Prokof'eva, E.D. (1961) Predstavleniya sel'kupskiykh shamanov o mire (po risunkam i akvarelyam) [Representations of Selkup shamans about the world (based on drawings and watercolors)]. In: Tolstov, S.P. (ed.) *Sbornik muzeya antropologii i etnografii* [Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography]. Vol. 20. Leningrad: USSR AS.
26. Prokof'eva, E.D. (1976) Starye predstavleniya sel'kupov o mire [Old representations of the Selkups about the world]. In: Vdovin, I.S. (ed.) *Priroda i chelovek v religioznykh predstavleniyakh narodov Sibiri i Severa* [Nature and man in religious representations of the peoples of Siberia and the North]. Leningrad: Nauka.
27. Pelikh, G.I. (1963) K voprosu o rodoplemennom stroe narymskiykh sel'kupov [On the issue of tribal system of the Narym Selkups]. *Trudy Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 165. pp. 137–148.
28. Pelikh, G.I. (1965) Fol'klor kak sredstvo rasshifrovki toponimov [Folklore as a means of deciphering toponyms]. In: Koshelev, Ya.R. (ed.) *Voprosy fol'klora* [Issues of folklore]. Tomsk: Tomsk State University.

Received: 22 April 2018